

УДК 81.66:5.1-2

© А. Д. Каксин, 2012

РОЛЬ ЧАСТИЦ В ВЫРАЖЕНИИ МОДАЛЬНОСТИ И ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА)

Каксин А. Д. – д-р филол. наук, вед. научный сотрудник, тел. (3902) 22-34-94, e-mail: adkaksin@yandex.ru (Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова)

Имея в виду актуальные потребности современной научной лексикографии, мы посвятили статью обоснованию важнейшей роли частиц в выражении модальности и эвиденциальности в языке. Эти лексические единицы со специфическим оценочным, характеризующим и эпистемическим зарядом играют незаменимую роль в выражении модальных и эвиденциальных значений в любом естественном языке. В примерах представлен материал одного из малоисследованных (в семантическом отношении) языков севера Сибири – хантыйского языка.

Anticipating the urgent need of the modern scientific lexicography, the given article is devoted to the substantiation of key role of particles in expression of modality and evidence in language. These lexical units with a specific valuation, characterizing and epistemological charge play the irreplaceable role in expressing modal and evidence values in any natural language. The material on one of the semantically poor-studied languages of the North Siberia – the Khanty language – is presented as an example.

Ключевые слова: модальность, эвиденциальность, лексические средства выражения, частицы, хантыйский язык.

Начнем с утверждения, что любое из значений субъективной модальности, а также эвиденциальности, можно выразить лексическими средствами того или иного языка. Кроме модальных глаголов, в каждом языке имеется достаточное количество модальных лексем, относящихся к другим частям речи, но больше всего бывает неизменяемых слов, часто - сложносоставных, именуемых в грамматиках частицами. Вопрос о функциях модальных частиц неоднократно затрагивался в трудах по общему языкознанию и русистике [1], а также в работах исследователей хантыйского языка [2].

Модальные частицы очень разнообразны по своему значению. Ниже приводится перечень основных семантических групп модальных частиц хантыйского языка.

1) Частицы, выражающие сомнение и/или определенную уверенность: *werapa* 'вряд ли', *met* 'хоть; хоть так; если так' и др.: *tāmχātł ja werapa jerta jil* 'сегодня-то вряд ли пойдет дождь'; *met šoraŋ, muχsaŋłal wujaŋat in* 'хорошо хоть, что муксуны жирные нынче', *met χōntti, ma iši juχtiŋłum* 'если так, я тоже как-нибудь найду'. (Для примеров на хантыйском языке, взятых из полевых записей автора, источник не указывается. Для примеров, подобранных из книг на хантыйском языке, см. [3], диалектная принадлежность текста указывается в библиографическом описании).

2) Частицы, выражающие неуверенность или недоверие: *χutaś* 'что-то', *pełi* 'ли; вроде', *jina pełi* 'точно ли' и др.: *łūw χutaś tāmχātł keŋk* 'он что-то сегодня строгий (что непохоже на него)'; *łūw pełi śāta łoł* 'не он ли там стоит'; *jina pełi śāχa juχatłat* 'точно ли потом придут они'.

3) Частицы, выражающие предположение: *śi āntō* 'вероятно, может быть', *at* 'наверное, может быть' и др.: *śi āntō, hōgum šōra šōšumsaŋan* 'может быть, и через болото пошагали'; *at mānas in utem, ma łūwti...!* 'наверное, пошел он, мой любезный, (вот) я его...!'

4) Частицы, выражающие убежденность (при поддержке соответствующей интонацией), а также удивление, восхищение: *śi!* 'ну конечно, несомненно, вот же', *χōn!* 'конечно, конечно не', *ānχōn!* 'конечно' и др.: *śi pa mūłtiŋłmen nāŋ, śi χurasup utem wōłmen...* 'вот же каким ты уродился, мой хороший, ненаглядный...'; *łūw śimaś χōn, jām-atum χotł śi tājłale* 'она не такая, конечно: плохо ли - хорошо ли, дом содержит'; *pa śi lupłum, ānχōn, łūw hūχtatała, łūw nemalt ānt tišta!* 'снова говорю: конечно, он и пустится в дорогу, ему все ни-почем!'

5) Частицы, выражающие пожелание или безразличное отношение к выбору: *keši* 'по; ради' (совпадает с послелогом, обычно употребляется форма 1 л.: *ma keši / ma kešama* 'по мне'), *at lōłŋ* 'хоть бы', *lōłŋ* 'бы; что бы не' и др.: *ma kešama, ał pa juχatł* 'по мне, пусть и не приходит'; *at lōłŋ mānł* 'хоть бы ушел', *at lōłŋ wujumł* 'хоть бы уснул'; *łūw lōłŋ χōχatł!ał* 'что бы ему не сбегать', *nāŋ lōłŋ wantŋen* 'тебе бы посмотреть его'.

6) Частицы, выражающие допущение, позволение: *at* 'пускай, пусть', *at kāj* 'да пусть' и др.: *at ul* 'пусть спит', *at aŋśemł* 'пусть обзывается'; *at kāj jertłajum, iśimurt tāmχātł pōsantijłti* 'да пусть меня дождем намочит, все равно сегодня стирать придется'.

7) Частицы, выражающие побуждение к действию: *sār* '-ка', *ja* 'же' и др.: *omsa sār* 'сядь-ка', *wūje sār* 'возьми-ка его', *māna ja* 'иди же', *katle ja* 'держи же его';

8) Частицы, выражающие удивление (при неожиданном обнаружении чего-либо), субъективную передачу чужой речи (также с оттенком удивления, изумления): *neś* 'оказывается', *māl* 'же, ведь' и др.: *jijki neś* 'влажный,

оказывается', *ān ɣotlan neš* 'не умеешь, оказывается', *mōšitten neš* 'болеешь, оказывается'; *ħw māl śiwełt śi šōšilas!* 'он ведь в ту сторону и ходил!'.

Модальные слова: 1) являются средством выражения отношения говорящего к содержанию высказывания, к способу выражения мысли и 2) входят в состав средств выражения субъективных смыслов. Модальные слова первого типа целесообразно рассматривать именно как части речи: модальные глаголы, модальные существительные, модальные частицы. Глаголы и частицы с модальной семантикой традиционно рассматриваются в самых разных языках, а модальные существительные – очень редко. В русском языке это отвлеченные существительные типа *желание, возможность, необходимость* и т.п. С их помощью строятся конструкции типа: Если *есть желание*, после обеда можно позагорать; Заходите – *есть необходимость поговорить*. Но в русском языке все-таки более частотны конструкции с финитными формами модальных глаголов и с модальными предикативами: Если *хотите*, после обеда *можем* позагорать; Заходите – нам *необходимо поговорить*.

В других языках похожие конструкции предпочтительнее строить с помощью модальных существительных, и мы покажем это на примере хантыйского языка. Вот несколько хантыйских загадок, в которых встретились модальные существительные.

Si wer ki, śi pūl ki āntōm wōs, mūw sot mir, mir śuras mir wōłti śirel āntōm wōs (pānt pos jūɣat) 'Не было бы его, не было бы их, то не могли бы люди жить (вехи)'. = 'Не было бы его, не было бы их, то людям бы не было **возможности** жить (вехи)'.

Aren kińśi ar suɣumn lāp tałum. Tōp śi suɣmat poɣla pōɣałti śir āntōm (ńimsar imi piłt) 'Дерево обвито множеством нитей. Только эти нити нельзя намотать в клубок (паутина)'. = 'Только эти нити нет **возможности** намотать в клубок (паутина)'.

Pa mūw ełti tūwum ut uɣał uš pa kūrał uš āntōm (pišaɣ) 'Из далеких стран в привезенном предмете не узнать ни головы, ни ног (яйцо)'. = 'Из далеких стран привезенное нечто – нет **возможности** узнать, где у него голова, нет **возможности** узнать, где у него ноги (яйцо)'.

Kaj ħuɣməs: śi dōčam-ɣurpi dōt mūj ħńsəsti dōš tājł? 'Кай произнес: этого глупого что **толку** спрашивать? (т.е. его без толку спрашивать)'.

Слово *uj* 'удача, счастье, талант' также способно участвовать в создании предложений с модальным значением, со значением *внутренней возможности* (узуальной и актуальной):

Met šoraŋ kūraŋ woj rawatti wera uj tajs 'Честно говоря, он был чрезвычайно удачлив в добывании лося' (букв.: лося добывать большую **удачу** имел);

Nāŋ ujenan, mosan, mātta ɣił wełuman 'Благодаря твоей удачливости, может, какую-нибудь рыбу поймает'.

Значение субъективной *уверенности* вносится не столько модальным словом *mosan* 'может быть, может' (оно как раз вносит оттенок сомнения), сколько упоминанием об удачливости на рыбалке собеседника. При опущен-

нии вводного *mosaŋ* 'может быть, может' значение *уверенности* сохраняется, даже и при введении других модальных компонентов предложения, например, частицы *ǰǰŋ* 'бы':

Nǰŋ ǰjenan mǎtta χǰǰ weŋhuman ǰǰŋ 'Благодаря твоей удачливости какую-нибудь рыбу поймает'.

В лингвистической науке обычно выделяют две группы модальных слов второго типа: 1) модальные слова с утвердительным значением, обозначающие уверенность говорящего в реальности сообщаемого и выражающие реальную модальность; 2) модальные слова с предположительным значением, которые обозначают гипотетическую (предположительную) модальность, т.е. не только предположение, но и неуверенность, вероятность, сомнение.

Например, в современном финском языке к модальным словам, выражающим проблематическую достоверность, относятся: *ehkä* 'пожалуй, может быть, возможно', *mahdollisesti* 'возможно', *voi olla* 'возможно', *varmasti* 'наверное', *varmaankin* 'наверное', *todennäköisesti* 'вероятно, очевидно', *luultavasti* 'вероятно', *ilmeisesti* 'очевидно', *nähtävästi* 'очевидно', *näyttää siltä, että...* 'кажется, что...' и некоторые другие [5].

А в современном марийском языке к разряду гипотетических модальных слов, относятся следующие (некоторые из них являются заимствованиями из русского языка): *очыни* 'возможно, может быть, видимо, наверное', *пожале* 'пожалуй, наверное', *витне* 'видимо, вероятно', *можыч, можыт* 'может, может быть', *коеш* 'кажется, видно, видимо, похоже', *наверне* 'наверное', *векат* 'видимо, очевидно' [6].

Употребляя данные и другие слова, говорящий лишь предполагает, что сообщаемое возможно, однако он не уверен в реальности осуществления сообщаемого.

Если учитывать синтаксические особенности гипотетических модальных слов, в структуре предложения они синтаксически не связаны с остальными словами. Можно также отметить, что указанные лексические единицы не примыкают к другим словам и не управляют ими, а также не являются членами предложения. С высказыванием, модальность которого они определяют, связаны лишь интонационно. Во всех рассмотренных нами примерах гипотетические модальные слова выступают в функции вводных слов.

В хантыйском языке также есть небольшая группа модальных слов, к которым относятся неизменяемые (и частично также заимствованные из русского языка) слова: *wek* 'видимо, очевидно', *witna* 'видно, видать', *wǰǰ* 'уж' и др.

Известно, что субъективная модальность проявляется в большом числе частных значений. Это различные оценочные значения, характеристика высказывания с точки зрения его достоверности или недостоверности, выраженные степени уверенности говорящего в своих словах и т.п.

После этих предварительных замечаний перейдем к рассмотрению грамматических средств, связанных с выражением модальных значений в хантыйском языке. И это будут прежде всего комбинированные (лексико-

синтаксические) средства, например, словосочетание “инфинитив + модальный глагол (модальный предикатив)”.

Этой связкой выражаются значения необходимости и возможности. Инфинитив смыслового глагола (т.е. форма на *-ti*) является неизменяемой формой. Модальный глагол, как правило, следует после инфинитива. Возможность наличия отрицательной частицы *ǎnt* нельзя констатировать для всех модальных глаголов.

В хантыйском языке модальный глагол намерения не может принимать отрицательную форму, т.е. невозможны фразы типа *Ma lapkaja tǎn-ti ǎn wǔt'salum* 'Я в магазин идти не намерен'. Для выражения этого значения используются другие средства, например, глаголы *numas tǎj-*, *nǎmas-* 'намерение иметь, думать (что-л. делать)':

Ma lapkaja tǎn-ti numas ǎn tǎjhum 'Я в магазин идти не намерен'.

Lǔŋ kǎrtǎma jǎŋŋ-ti numas tǎjhum 'В летнюю деревню свою съездить думаю (имею намерение)'.
Numas wertǐ (numas punti) 'задумать, решить, захотеть (что-л. сделать)'

Numas weras wan kǎrtǎ letuta jǎŋŋ-ti 'Задумал он в ближнюю деревню за едой сходить'.

Wǔratti 'стремиться'

Ši kǔtn ǰǎsla pittal artn in ampal pa šǐ purǎnt-ti wǔratl 'Когда он перестает уговаривать, собака эта снова кусать устремляется'.

К модальным предикативам относятся формы 3-го л. ед. ч. наст.-буд. и прош. времени (в т.ч. отрицательные) глаголов *mos-* 'быть необходимым, быть должным' и *rǎŋ-* 'быть возможным (согласно определенным общественным нормам)': *most* 'надо было, нужно было'; *ǎn mosas* 'не надо было, не нужно было'; *rǎŋl* 'можно'; *ǎn rǎŋl* 'нельзя'; *rǎŋas* 'можно было'; *ǎn rǎŋas* 'нельзя было'.

Сферу модальности в хантыйском языке обслуживают также *лексико-синтаксические конструкции*. Их можно разделить на два типа в зависимости от выражаемых модальных значений и структуры.

1) Конструкции с именными словами

Конструкции первого типа передают значения оптативности, возможности, необходимости. Их структуру составляют инфинитив смыслового глагола (с зависимыми словами и детерминантами), абстрактное именное слово и конечное сказуемое.

Хотя именное слово является вполне абстрактным, все же оно сохраняет известную степень лексического значения, функционируя в то же время в сфере “имя существительное как часть речи, обозначающая предмет (в широком смысле слова)”.

В качестве стабильного компонента выступает инфинитив основного смыслового глагола (форма на *-ti*), который может иметь при себе зависимые слова.

Относительно переменным является компонент, который в конструкции является главным сказуемым. В качестве главного предиката могут высту-

пать отрицание *āntō* 'нет', формы бытийного глагола: *wōl* 'есть', *wōs* 'было', *āntōm wōs* 'не было'. Отрицательные формы более употребительны в речи, нежели позитивные.

К именному слову с относительно абстрактным значением присоединяются обычно лично-притяжательные аффиксы, выражающие лицо-число субъекта действия. В определенных случаях (при обобщении) этот суффикс отсутствует.

Наиболее употребительными являются следующие именные слова: *kaš* 'желание, охота', *wūr* 'стремление, внимание', *šom* 'сила, физическая возможность', *kōs* 'выносливость, способность', *piš* 'возможность, способность', *šir* 'манера, способность', *ket* 'возможность', *kōm* 'ограниченная возможность', *wēr* 'умение, желание, стремление, способность; необходимость'.

2) Конструкции с предикативными словами

Конструкции второго типа передают различные оттенки значения достоверность/недостоверность, в т.ч. значение предположения. В их составе выделяются зависимая часть и главное сказуемое.

Главное сказуемое констатирует факт наличия определенных ощущений, мыслей, представлений у говорящего в момент речи. В качестве главного сказуемого в конструкциях со значением достоверности могут выступать предикативные слова различного рода. Наиболее часто употребляются следующие:

χurasup 'похоже на' (от слова *χuras* 'вид, образ, изображение'; ср.: *išχur* 'тень; привидение')

Jert pittal χurasup = *Jerta jital χurasup* 'Похоже на то, что будет дождь'; *Pālaŋ ehumtal χurasup* 'Похоже на то, что грозовая туча поднимается'; *Multi atumn šī lawaltew χurasup* 'Похоже на то, что нас-мн. ожидают какие-то неприятности'; *Mōša jūwmal χurasup* 'Похоже на то, что он заболел'; *Juwra jōš χūwat māntew χurasup* 'Похоже на то, что не по той дороге идем мы (мн.)'.

nili 'вроде бы; видно; представляется' (по происхождению форма 3-го л. ед.ч. пассива от глагола *ni-* 'виднеться'):

Pālaŋ jital nili 'Видно, что гроза приближается (вроде бы)'; *Kaltaŋ ašem lol'tal nili* 'Видно, что на пристани отец стоит (вроде бы)'; *Kaitaŋ ašem iol'mai nili* 'Представилось, что на пристани отец стоял (вроде бы)'.

pele 'кажется' (в значении типа 'или это мне кажется'):

Jajn juχatmal pele '(Мне) кажется, что старший брат-твой приехал'; *Jerta jital pele* '(Мне) кажется, что будет дождь'; *Pālaŋ jital pele* '(Мне) кажется, что идет гроза'.

lampi 'вероятно; есть вероятность (большая)':

Juχattal lampi 'Есть большая вероятность, что он приедет'; *Jāma jital lampi* (о погоде) 'Есть большая вероятность, что (погода) улучшится (хорошей станет)'; *Jāma jital lampi* (о больном человеке или раненом животном) 'Есть большая вероятность, что поправится (хорошим станет)'.

Главное сказуемое, выраженное предикативным словом, является неизменяемым, во временном плане может выражать только настоящее время.

При употреблении слов *χurasup* 'похоже на то', *nili* 'вроде бы' и *lampi* 'вероятно' выражается более уверенное предположение, чем в случае со словом *peti* 'кажется', которое вносит более сильный оттенок сомнения. В любом случае главное сказуемое, выраженное предикативным словом, обозначает факт наличия определенных ощущений, мыслей, представлений, формируемых в виде предположения, некоторой возможности, у говорящего в момент речи.

Зависимая часть в рассматриваемых конструкциях обозначает то событие объективной действительности, которое является предметом предположений говорящего. Это событие постулируется на основании определенных признаков (воспринимаемых в основном зрением), логически осмысливаемых говорящим. В составе зависимой части "вершина" занимает конечную позицию. Зависимое сказуемое представляет собой предикативное причастие. Лично-числовые аффиксы (аффиксы "второго разряда" в лично-предикативной функции) выражают лицо (чаще всего 3-е лицо) и число субъекта зависимой части: 3 л. ед. ч. – *-ai*, 3 л. дв. ч. – *-an*, 3 л. мн. ч. – *-ei*. В составе зависимого сказуемого им предшествуют аффиксы времени, относящие время предполагаемого события либо в план прошлого (*-m-*), либо в план настоящего или будущего (*-t-*).

Эта форма зависимого сказуемого одновременно является и выразителем отношений между главной и зависимой частями предложения. В подобного рода конструкциях она выражает значение, эквивалентное русскому сочетанию "то, что". При этом имеет значение и порядок расположения частей: в русском языке зависимая часть следует за главной, в хантыйском – наоборот, и этот порядок согласуется с интонационным рисунком фразы.

В заключение, подводя итоги исследования, отметим три отдельных способа выражения модальности, или три типа конструкций, служащих для передачи модальных значений, в хантыйском языке:

Рассматривая категорию эвиденциальности, зарубежные лингвисты в большей мере имеют в виду материал "экзотических" языков, а российская исследовательская мысль чаще всего проводит сопоставление с русским языком. Нет необходимости напоминать о том, что названные категории в русском языке изучены очень детально, и этому посвящено огромное множество трудов. Однако материал русского языка и примеры на нем мы имеем в виду всегда, хотя бы потому, что всякий раз мы приводим и перевод на русский язык (литературный перевод, а если необходимо – и буквальный). В финском языке этот вопрос также изучен, и мы будем опираться и на исследования по финскому языку. Например, мы нашли достаточно подробный список литературы по данному вопросу после статьи об экспрессивной лексике в финском языке [7], а практический материал – в учебных пособиях по финскому языку [8].

В русском языке эвиденциальность не находит грамматического выражения и передается в основном лексическими средствами типа вводных "мол", "видно", "оказывается". Говорящие по-русски указывают на источник сведений о ситуации только в том случае, если эта информация представля-

ется им необходимой: например, если говорящий хочет подчеркнуть, что он лично наблюдал описываемое событие (ср. *у меня на глазах; я сам видел, как...* и т.п.) или, наоборот, если говорящий хочет снять с себя ответственность за достоверность сообщаемой информации [9].

В хантыйском языке появление грамматических форм эвиденциализации обусловлено тем, что инфинитные формы глагола могут функционировать и в качестве финитных. Так, в роли финитного (конечного) сказуемого способны выступать оба хантыйских причастия (с показателями *-t* и *-t*), а также деепричастие на *-tan*:

Lǝw kǝrtaln atelt χǎs-m-al 'Он на стойбище один остался, оказывается'; *Wana juχatsǝw: owl, mǎtte, tumapan rip-tan* 'Подшли ближе: дверь, оказывается, на замок закрыта'. Эвиденциальность как категория, близкая к модальности, но все же имеющая свою специфическую семантику, грамматикализуется во многих языках, и ее морфологические формы традиционно также называются наклонениями. Повторим, что в русском языке эвиденциальность не грамматикализована, поэтому в переводах на русский появляются лексические средства, которые вербализуют смысловые оттенки, в других языках (в том числе в хантыйском) заключенные в самой морфологической форме:

Jajum-iki ma kińsema mǝstati mirew jǎma wǝ-t-al 'Брат мой лучше меня людей наших знает, оказывается'; *Liw iši tǎta noptal-ti pit-t-el* 'Они тоже здесь плавать будут, оказывается'; *Ši kǝtn lǝw sem pawtas: lǝχsal iki χot lipijn, χotχǎri kǝtupn śimaś maway lant, suraη lant pasan tiw-m-al, omsaś-m-al* 'В это время он повел глазом [и видит]: в доме его друга, посреди пола, всякой пущей накрытый стол, оказывается, возник, откуда ни возьмись, появился'.

Как видим, в хантыйском языке три формы неочевидного наклонения параллельны трем ядерным формам индикатива, к временному значению которых добавляется одно из значений эвиденциальности. В общей системе хантыйского глагола эти "неочевидные" формы (по другой терминологии - митаривные) противопоставляются прежде всего формам индикатива. Это различие – грамматическое, основано на противопоставлении морфологических форм, но не меньшую роль играют частицы, с помощью которых выражается или модальность, или эвиденциальность.

Таким образом, для описания хантыйской системы наклонений мы имеем и грамматические формы, и специальные частицы, маркирующие либо модальное, либо эвиденциальное значение. Основная масса частиц хантыйского языка употребляется при выражении модальности, но есть ряд частиц, которые маркируют преимущественно эвиденциальность. К числу последних можно отнести лексемы *nili* 'оказывается', *neš* 'оказывается', *mǎtte* 'оказывается; вроде (бы); якобы', *mǎl* 'оказывается; вероятно', некоторые другие.

Juχli pa aηkarmasηan: wuχsar imi ši ji-t-al nili 'Назад снова оглянулись двое: лисица идет по-прежнему за ними, **оказывается**'; *Min juχatmemn, rimχumtti wel' ši pitas. Liw, mǎtte, ul-t-el* 'Когда мы двое приехали, смеркаться только начало. Они, видите ли, **спят, оказывается**'; *Liw χuśela mǎnlat, - putarmas aśel. Lǝw,*

neš, *iši änt ul-t-al* ‘Они (гуси) к себе летят, - заговорил отец. Он тоже *не спит, оказывается*’; *Muŋatł putartum ɣänneɣöjem müŋ ɣotewn*, *neš*, *wöl-t-al* ‘Человек, о котором я вчера говорил, в нашем доме *живет, оказывается*’; *Müwew ɣuša sorŋi*, *mäl*, *wöl-t-al* ‘В земле нашей богатство *есть, оказывается*’; *Säŋta ŋawrematn inšasti ši pitsa. Ši ewalt*, *Al’oška pa wüŋeŋ öɣaŋ uɣ ɣöja wölmaŋ, wanküthi wüŋeŋ öɣaŋ ɣätat’as* ‘И ребята стали его расспрашивать. *Оказалось*, Алешка еще погонщиком был на оленьей упряжке, часто ездил на оленях’ (по его рассказам); *I püš*, *mätte*, *ma ontup ewalt il rawtijiŋmem* ‘Один раз, *оказывается*, меня из люльки на пол роняли’ (известно по рассказам старших).

Итак, в любом языке модальные и эвиденциальные слова и сочетания, а также слова и обороты со значением эмоционально-качественной оценки и, добавим, экспрессии, играют важную роль. Значительную долю в общем объеме таких слов и сочетаний составляют частицы (в т.ч. сложносоставные). В хантыйском языке некоторые из них оформляют полипредикативные единицы (усложненные предложения) без союзов, напр.: *Кешен щит ёша на вүйлюем äntö!* ‘Нож твой я даже в руки не брал! (букв.: [То, что] нож твой я в руки брал – нет!)’; *Көртыем хэймем мәнәм шök ши* ‘[Оттого, что] деревенку свою оставила, горестно мне очень’. Отметим, что в подобного рода предложениях совсем не случайно присутствуют частицы *щит*, *ши*, *на* ‘это; вот; даже; и; вот и’, чрезвычайно употребительные и многофункциональные в хантыйском языке. Часто только они и создают необходимый, соответствующий модальный (или эвиденциальный) контекст.

Библиографические ссылки

1. *Яacobson P.O.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Пер. с англ. // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972. – С.95-113; *Ляпон М.В.* Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь / Главный редактор В.Н.Ярцева. – М., 1990. – С.303-304; *Бондарко А.В.* Модальность: вступительные замечания // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А.В.Бондарко. – Л., 1990. – С.59-67; *Козинцева Н.А.* Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. – 1994. № 3. – С.92-104; *Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Памяти Н.А.Козинцевой.* Сб. научн. трудов / Отв. ред. В.С.Храковский. – СПб., 2004.
2. *Штейниц В.К.* Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч.1. – Л., 1937. – С.193-227; *Кошкарева Н.Б.* Модальное сказуемое в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) // Компоненты предложения (на материале языков разных систем). Сб. научн. трудов. – Новосибирск, 1986. – С.33-38; *Черемисина М.И., Ковган Е.В.* Хантыйский глагол: Методические указания к курсу “Общее языкознание” / Новосибирский государственный университет. – Новосибирск, 1989; *Николаева И.А.* Обдорский диалект хантыйского языка. – М. - Гамбург, 1995; *Скрибник Е.К.* К вопросу о неочевидном наклонении в мансийском языке // Языки коренных народов Сибири. Сб. научных тр. – Вып. 4. – Новосибирск, 1998. – С.197-215; *Salo M.* Modal auxiliary verbs in Khanty dialects // Congressus Nonus International Fenno-Ugristarum. 7-13.08.2000. Tartu. – Pars VI. – Tartu, 2001. – P.138-143.

3. Steinitz W. *Ostjakologische Arbeiten. Band I: Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten.* – Budapest, 1975. – S.53-178 (сыньский диалект), S.233-458 (шеркальский диалект); Лазарев Г.Д. *Сорненг тов: Рассказ на языке ханты.* – Ханты-Мансийск, 1999 (казымский диалект); Сенгепов А.М. *Касум ики пуртат (Рассказы старого ханты).* – СПб., 1994 (казымский диалект).
4. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache.* 1-13. Lieferung / W.Steinitz, G.Sauer u.a. – Berlin, 1966-1991.
5. Елисеев Ю.С. Финско-русско-финский словарь / В сер.: Маленькие желтые словари от Gummerus. – Juväskylä, 1999.
6. Анисимова О.В. Модальные слова и словосочетания в современном марийском языке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Йошкар-Ола, 2007.
7. Leskinen H. Quantitative Untersuchung der expressiven Lexik im Finnischen und seinen nächstverwandten Sprachen. – Finnisch-Ugrische Forschungen. – B.51. Heft 1-3. – Helsinki, 1993. – S.87-124.
8. Bessonoff S.-M., Hamalainen E. *Tilanteesta toiseen: A Finnish Course.* – Helsinki, 2008; Bessonoff S.-M., Hamalainen E. *Tilanteesta toiseen: Harjoituksia.* – Helsinki, 2009; Муллонен М., Хямяляйнен Э., Сильфверберг Л. *Ори puhumaan suomea / Учись говорить по-фински.* Изд. 4-е, испр. и доп. – СПб., 2009.
9. Плуныян В.А. *Общая морфология: Введение в проблематику.* – М., 2000.